

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №1, Том 13 / 2022, No 1, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK122.pdf>

DOI: 10.15862/48FLSK122 (<https://doi.org/10.15862/48FLSK122>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Калинина, Е. Л. Особенности реализации концепта «помочь» в рассказе В.П. Астафьева «Осенние грусти и радости» / Е. Л. Калинина // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK122.pdf> DOI: 10.15862/48FLSK122

For citation:

Kalinina E.L. Features of the implementation of the concept "help" in the story of V.P. Astafiev "Autumn sorrows and joys". *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 1(13): 48FLSK122. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK122.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/48FLSK122

УДК 811.161.1

Калинина Елена Леонидовна

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Россия
Доцент кафедры «Русского языка и филологического образования»
Кандидат филологических наук
E-mail: k5822022@mail.ru

Особенности реализации концепта «помочь» в рассказе В.П. Астафьева «Осенние грусти и радости»

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию реализации концепта «помочь» в тексте рассказа В.П. Астафьева «Осенние грусти и радости». Рассказ входит в повесть «Последний поклон». Актуальность работы обусловлена обращением к когнитивному описанию диалектной лексики, что дополняет существующие подходы к исследованию диалектных лексем в идиостиле В.П. Астафьева. Автором используется методика описания концепта, включающая последовательное рассмотрение следующих элементов: объективирующего слоя, деривационных связей, внутренней формы, образного слоя, функциональных и оценочных признаков, понятийного ядра, символического плана и сценарной реализации. Данная методика позволяет сочетать традиционные приемы лингвистического анализа: этимологического, лексико-семантического, деривационного, грамматического, стилистического с когнитивно-культурологическими и лингвокультурологическими приемами.

Концепт «помочь» вербализуется посредством диалектного слова, о чем свидетельствует фонетическая форма с финалью на -чь, параллельная литературному варианту «помощь», старославянскому по происхождению. Диалектным словом «помочь» (во множественном числе «помочи») обозначается важнейшее понятие русской крестьянской культуры: поддержка общиной отдельных семей в трудоемких сельскохозяйственных работах, которая носила взаимный характер. В рассказе «Осенние грусти и радости» описывается один из видов помочи — «капустки», то есть помощь в заготовке капусты на зиму. Автором статьи последовательно раскрываются особенности реализации концепта «помочь» в художественном тексте. В исследовании рассматриваются средства вербализации концепта, деривационные связи не только в самом рассказе, но и в цикле «детских» рассказов повести «Последний поклон». С помощью этимологического анализа прослеживается ассоциативное наращение смыслов. Образные, функциональные и оценочные признаки концепта описываются с опорой на соответствующие фрагменты рассказа. При рассмотрении символического слоя автор

обращается к философским и культурологическим исследованиям, посвященным феномену русского коллективизма. Анализ композиционно-сюжетной основы рассказа позволяет иллюстрировать сценарный уровень концепта «помочь».

Ключевые слова: концепт; объективация концепта; деривация концепта; внутренняя форма концепта; образные признаки концепта; функциональные признаки концепта; оценочные признаки концепта; понятийные признаки концепта; символические признаки концепта; сценарий концепта

Рассказ «Осенние грусти и радости», написанный в 1966 году, входит в повесть «Последний поклон», образуя с рядом других рассказов первую часть произведения. Время действия данного рассказа — тридцатые годы двадцатого века, детство главного героя Виктора Потылицына. Место действия — сибирское село Овсянка, что на берегу Енисея. Вот как сам писатель говорил о замысле сначала отдельных рассказов, а позднее и повести на основе этих рассказов: «Я жил в родной деревне, смотрел на своих односельчан, занятых земельным и рабочим повседневным делом, и думал: «Ну, хорошо. Все герои, и все героическими делами обуяны, а кто же тогда их-то, моих родных гробовозов (такое неблагозвучное прозвище у моего родного села Овсянка), отразит и расскажет о их вечной жизни и о труде, которым земля и все на земле держится?» <...> Словом, думал я думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне, стараясь не особо-то унижать и не до небес возвышать их словом» [1, с. 13–14].

Повесть состоит из трех книг, в первую из которых входит рассказ «Осенние грусти и радости». В центре произведения осенняя сельская работа по заготовке капусты на зиму. Во вступлении эта мысль передается знаковой для развития темы фразой: «*Заготовка капусты на долгую сибирскую зиму, на большие чалдонские семьи — дело основательное...*» [2]. И традиционно, как для центральной части России, так и для ее сибирских регионов, существовала практика помощи, или в диалектном варианте этого слова «пóмочи». Специфика раскрытия данного концепта в рассказе «Осенние грусти и радости» В.П. Астафьева является предметом рассмотрения в данной статье. Методика исследования основывается на алгоритме, описанном в работах Пименовой М.В., и включает такие шаги, как выявление *объективации* и *деривации* концепта, исследование его *внутренней формы* посредством этимологического анализа, описание *образных, функциональных, оценочных признаков* с помощью выявления коннотаций в значении слова и лингвокультурного анализа дискурса, *понятийных признаков* — посредством анализа лексического значения слова, *символических признаков*, которые проявляются во взаимосвязи концепта с мифологическими, религиозными, культурными явлениями, раскрытие *сценария концепта* [3, с. 66–79]. Актуальность работы обусловлена обращением к когнитивному описанию диалектной лексики, что дополняет существующие подходы к исследованию диалектных лексем в идиостиле В.П. Астафьева.

Понятийная основа, объективация и деривация концепта «пóмочь»

В рассказе концепт вербализируется с помощью существительного «помочь». Данное слово представлено в словаре В.И. Даля и снабжено пометами «северное и восточное», что свидетельствует о его фиксации автором в северных и восточных диалектах русского языка. «Собирать помочь или делать помочь: созывать на помочь, собирать окольных крестьян на уборку хлеба, покос, молотьбу и прочее. Местами собирают помочь и на уборку капусты, это капустки» [4, с. 282]. В «Толковом словаре русского языка» данная лексема помечается как устаревшая: «Работа миром для кого-нибудь за угощение, преимущественно о сельских

работах; устаревшее. Собрать помочь» [5, с. 569]. Отметим, что, в отличие от старославянской по происхождению литературной формы «помощь», диалектное существительное «помочь» является собственно русской фонетической формой, о чем свидетельствует конечный звук «ч».

Однокоренные слова в тексте рассказа представлены дважды: *Прочитавши записку, тетка Васенья беспомощно хлопала глазами, потом гонялась с железной клюкой за Санькой; — Знаю. Катерина Петровна и наши бочки выпаривает. Мы **помогать** званы* [2] — непосредственно к концепту «помочь» относится только глагол. Нами также осуществлен поиск однокоренных слов во всем цикле «детских» рассказов повести (книга первая), который позволил выявить следующие лексемы: *помогать, беспомощный, беспомощность, помощник*. Анализ их реализации в текстах рассказов позволил выявить несколько ключевых ситуационных линий: духовно-религиозная помощь (*в незаметной жизни был Вася-поляк вроде праведника и **помогал** людям смиренностью* «Далекая и близкая сказка» [2]; — *Скажи: «Миленький, хорошенький Санечка, **помоги** мне ради Христа!»* «Монах в новых штанах» [2]); помощь людей друг другу (— *Какой дедушка добрый, саранок мне нарвал, — **помог** я выкрутиться Саньке из трудного положения.* «Монах в новых штанах» [2]; *А я таким вот и помню деревенского учителя — с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперед и оборонить своих учеников, **помочь** им в беде* «Фотография, на которой меня нет» [2]; *Кольча-младший заменил на сенокосе дедушку, чтобы высвободить его **в помощь** бабушке. А **помощник-то**, вон он, был и нету!* «Бабушкин праздник» [2]); помощь людей животным (— *Погибнут гуси. Надо им, братва, **помочь**.* «Гуси в полынье» [2]); помощь в болезни (*Бабушка шептала молитву от всех скорбей и недугов, брызгала меня святой водой, травами пользовала до того, что меня начало рвать, из города порошки привозили — **не помогло**.* «Деревья растут для всех» [2]; *Дом она содержала теперь обиходно, даже форточку в раме проделала, чтоб вольный дух **помогал** расти дитенку.* «Бабушкин праздник» [2]), состояние человека (*Санька только того и ждет, чтоб я расклеился, расхныкался, и он совсем меня растерзал бы, **беспомощного**, попавшего в ловушку.* «Монах в новых штанах» [2]; *Он [щенок] сразу запищал, начал тыкаться носом в бабушкину ладонь. — Тоже жрать хочет, пятнай его! — через силу улыбнулась бабушка и с непривычной, какой-то детской **беспомощностью** поглядела на меня, на деда.* «Ангел-хранитель» [2]). Приведенные лексемы демонстрируют актуальное содержание концепта, репрезентированного современным литературным дериватом «помочь», который генетически связан с концептом «помочь». В словаре В.И. Даля нами найдены диалектные дериваты: *помоганье, помога, помогае, поможенье* [4, с. 282].

Внутренняя форма концепта «помочь»

По данным этимологических словарей, существительное «помочь» восходит к той же основе, что и глагол *мочь* [6]. В этимологическом словаре Н.М. Шанского находим следующую дефиницию, посвященную данному слову: «Мочь. Общеславянское. Исходное **mogti* > *мочь* после изменения *gt* > *kt* > *ч* (сравните *ночь*) и отпадения конечного безударного *и*. Того же корня, что миг (смотреть.). Первичное значение — «тянуть» [7]. Итак, первообразным является значение «тянуть», которое в дальнейшем обогащается дополнительными смысловыми приращениями. Так в этимологическом словаре М. Фасмера указываются некоторые значения данного корня в других индоевропейских языках: в словацком *tos* — это «масса, очень много», в готском — *mahts* «мощь, сила» [8]. В русском языке глагол «мочь» и существительное «мощь» исторически родственны, о чем свидетельствует приведенная выше дефиниция этимологического словаря Н.М. Шанского. Следуя логике этимологических данных, можно сделать вывод, что рассматриваемый нами концепт «помочь» возник в результате обогащения первообразного значения «тянуть» дополнительными смыслами: «помочь» — это работа

сообща, миром, которая помогает распределить силу крестьянской общины в интересах всех ее участников.

Образные, функциональные, оценочные признаки концепта «помочь»

По мнению исследователей, образный слой концепта «может включать наглядно-чувственное представление («мыслительную картинку», перцептивный образ), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке» [9, с. 56].

В рассказе перцептивный образ процесса помочи представлен яркими картинками детских воспоминаний, включающими звуки, запахи, краски: *«Батюшки-светы, что тут делается! Народу полна изба! Стукоток стоит невообразимый! Бабушка и женщины постарее мнут капусту руками на длинном кухонном столе. Скрипит капуста, будто перемерзлый снег под сапогами. Руки у этих женщин до локтей в капустном крошеве, в красном свекольном соку. В нем плавают семечки аниса и укропа — бабушка чуть-чуть добавляет того и другого — для запаха»* [2].

Функциональные признаки концепта проявляются в тексте посредством сочетания с глаголами и глагольными формами. Так, на помочь можно быть позванным: *Катерина Петровна и наши бочки выпаривает. Мы **помогать** званы* [2]; на помочь можно собраться: *Еще с улицы услышал я стук сечек, звон пестика о чугунную ступу и песню **собравшихся на помочь** женщин* [2]; помочь бывает или не бывает какой-либо или с чем-либо: ***помочь** без выпивки **не бывает*** [2] (Сравним со словарным определением: *Работа миром для кого-нибудь за угощение*) [5, с. 569], за помощь благодарят: *благодарила подружек за **помощь*** [2]; на помощь спешат: *затем **спешит на помощь*** [2].

Оценочное значение концепта проявляется на уровне идеи рассказа и его названия: осенние грусти, связаны с уходом лета, с увяданием природы и наступлением холодов, а осенние радости ассоциируются с общественной помощью в засолке капусты. Настроение героя передается в отдельных фрагментах: *«Но тут же вспомнил, что на дворе поздняя осень и настало время бочки и кадушки выбучивать. Капусту солить скоро будут! **Красота!**»* и далее *«Я так спешил домой, так **возгорелся** заранее той **радостью**, которая, я знал, была сегодня в нашей избе»* [2].

Символический слой концепта

По замечанию М.В. Пименовой, «символическими называются такие признаки, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака. Миф сохраняет ранее распространенное в народе представление о мироустройстве» [3, с. 77].

Концепт «помочь» связан с устройством русского мира, прежде всего крестьянского, с общинным характером жизни. Приведем выдержку из исследования «Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект) В.К. Трофимова: «Русский народ развивается в исторических условиях, где «мы» в связке «я — мы» выражено гораздо сильнее, чем у народов западной цивилизации, и поэтому цивилизацию русского

народа можно назвать «мы»-цивилизацией. С этой точки зрения русские есть коллективисты, а их общество коллективистское...».¹

В начале XX века, когда происходит действие рассказа, крестьянские семьи все еще многочисленны, это относится и к сибирскому региону. В исследовании «Мир сибирской семьи» отмечается: «Исключительно важную роль в Сибири играли родственные отношения. Даже в третьем-пятом поколении потомки продолжали поддерживать тесные связи, помогать друг другу. Это обуславливалось традициями «помочей», совместного подъема пашни, общими праздниками. Родственники встречались в «съезжие праздники, на свадьбах, крестинах, «проводинах» в «рекруты», а впоследствии при призывах в армию. Родственники собирались вместе провожать в последний путь усопшего...» [10]. Таким образом, традиции сибирских старожилов — чалдонов, основываются на ключевых русских крестьянских принципах: жизнь в семье и жизнь в общине, что на символическом уровне концепта связано с представлением о мире как о семье, общине, единстве людей.

Сценарий концепта

Сюжетная основа рассказа «Осенние грусти и радости», которая шаг за шагом показывает процесс заготовки на зиму капусты, раскрывает сценарий концепта «помочь», его общие и частные элементы. К общим элементам, проявляющимся в любой помощи, относятся предварительная подготовка инструментов и материалов к работе, приглашение на помощь родственников и соседей устно или с помощью записок, затем в день помощи люди сообща выполняли работу, за этим следовало угощение от хозяев и благодарение помощников.

В рассказе прослеживаются все перечисленные этапы, которые дополняются частными подробностями, характерными именно для «капустков», то есть помощи по заготовке капусты.

Начальным шагом была подготовка бочек для капусты. Этим занималась женская часть семьи. Бочки выбучивались, то есть кипятились в щелоке для обеззараживания. В рассказе этот процесс передается глазами главного героя, мальчика Вити Потылицына: *«По кути пробирался ошупью. Везде тут кадки, бочонки, ушаты, накрытые половиками. В них отдаленно, рокотно гремит и бурлит. Горячие камни брошены в воду, запертые стихии бушуют в бочках. Тянет из них смородинником, вереском, травую мятой и банным жаром»* [2].

На подготовительном этапе также точили инструменты — ножи, топоры, сечки, и этим уже занимались мужчины: *«Под навесом дедушка в старых бахилах стоял у точила и одной рукой крутил колесо, другой острил топор <...> Я поспешил под навес, дед без разговоров передал мне железную кривую ручку <...> Но скоро пыл мой ослабел, все чаще менял я руку и с неудовольствием замечал — точить сегодня много есть чего: штук пять железных сечек да еще ножи для резки капусты...»* [2].

Непосредственно перед днем помощи с огорода убирали урожай капусты, чтобы на следующий день с раннего утра до позднего вечера успеть ее заквасить.

Если урожай был очень большим и у семьи не хватало сил самостоятельно его убрать за день, то уже в этот день могли прийти на помощь односельчане. Как отмечает М.М. Громыко, автор очерка «Мир русской деревни», «приглашенные девушки — «капустницы» — приходили со своими тятками. Парни являлись незванными и развлекали помочанок шутками,

¹ Трофимов, В.К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских / Трофимов Валерий Кириллович; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. — Екатеринбург, 2001. — С. 38.

прибаутками, игрой на гармошке и других музыкальных инструментах» [11]. В произведении урожай снимается силами самой семьи, помощником выступает только один соседский мальчик Санька: «Бабушка добавила ему вилок-другой и подтолкнула в спину: — Ступай, ступай! Будет. Санька изогнулся, взглянул и помчался с огорода во двор» [2]. Перечисленными действиями предварительная подготовка обычно заканчивалась, а на следующий день начиналась сама помощь.

На помощь рано утром приходили женщины-односельчанки, как правило, родственницы и ближайшие соседки. В том же очерке встречается такое примечание: «В больших селах на капустки собирались до 200 человек. Обычно к 7–8 часам вечера капуста была изрублена, искрошена, нашинкована, а нередко и опущена в кадках в погреб. Помочами в один день обрабатывались до 5000 кочанов. Срок работы — один день — был постоянным, поэтому число капустниц зависело от запасов хозяина» [11].

В рассказе приводятся подробности работы: «Меж тем в избе легко, как будто даже и шутейно, шла работа. Женщины, сидя в ряд, рубили капусту в длинных корытах»; «Вместе со всеми пела и бабушка, и в то же время обмакивала плотно спрессовавшиеся половинки вилок в соленую воду, укладывала их в бочку — толково, с расчетливостью, затем наваливала слой мятого, отпотевшего крошева капусты — эту работу она делала всегда сама, никому ее не передоверяла» [2].

Автор показывает и такие важные элементы помочи, как песни, заговоры, угощение: «Еще с улицы услышал я стук сечек, звон пестика о чугунную ступу и песню собравшихся на помощь женщин:

Злые люди, ненавистные

Да хочут с милым ра-а-азлучи-ить...»,

и далее по тексту: «— А ну, бабоньки, а ну, подруженьки! Людям чтоб тын да помеха, нам чтоб смех да потеха!

Одна сечка перестала стучать, другая, третья.

— Штабы кисла, не перекисла, штабы на зубе хрустела!

— Штабы капуста была не пуста, штабы, как эта рюмочка, сама летела в уста!» [2].

Отметим, что ритуал поднесения работницам выпивки сопровождается заговором. По мнению литературоведа Ф.С. Капицы, заговор имеет двойственную природу: с одной стороны — фольклорно-литературную, с другой — практическую. Он пишет, что «заговор всегда был тесно связан с бытом, способствуя достижению конкретной практической цели — лечению болезни, предохранению от зла, обеспечению успеха» [12, с. 328].

Помочь завершалась ритуалом прощания и благодарения друг друга:

«—Благодарствуем, Катерина Петровна, за угощение, за приятну беседу. Просим к нам бывать! — кланялись женщины. Бабушка, в свою очередь, благодарила подружек за помощь и обещала быть, где и когда потребуется делу» [2].

Таким образом, раскрытие концепта «помочь» легло не только в сюжетную канву рассказа, но и послужило основой всей композиции. Еще раз подчеркнем, что осенняя радость связывается автором с традиционной капустной помочью как ярким моментом трудового единения людей, и шире — с удачным исходом годового земледельческого цикла, что придает семье уверенность в будущем. Грусть от увядания природы успокаивается в душе главного героя теплом человеческой взаимопомощи, радостным чувством причастности к естественному крестьянскому труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ростовцев, Ю.А. Виктор Астафьев / Ю.А. Ростовцев; предисл. В.Я. Курбатова. — 2-е изд., доп. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 404 [12] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1468). — 2000 экз. — ISBN 978-5-235-03705-2. — Текст: непосредственный.
2. Астафьев, В.П. Осенние грусти и радости / В.П. Астафьев. — Текст: электронный // Knijky.ru: онлайн-библиотека — URL: <https://knijky.ru/books/posledniy-poklon> (дата обращения 20.03.2022).
3. Пименова, М.В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта судьба) / М.В. Пименова. — Текст: непосредственный // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сборник статей.; отв. ред. М.В. Пименова. — СПб-Горловка: Издательство ГГПИИЯ, 2010. — С. 66–79.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль; СПб.-М: Тип. М.О. Вольфа, 1881. — 814 с. (Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В.И. Даль; т. 4: Р–V). — Текст: непосредственный.
5. Толковый словарь русского языка / Главная редакция Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. — 1500 с. (Толковый словарь русского языка: в 4 томах / Под ред. Д.Н. Ушакова; т. 3: П–Ряшка). — Текст: непосредственный.
6. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. — Текст: электронный // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. — URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения 21.03.2022).
7. Шанский, Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка / Н.М. Шанский. — Текст: электронный // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. — URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения 21.03.2022).
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. / М. Фасмер. — Текст: электронный // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. — URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения 21.03.2022).
9. Кононова, И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации / И.В. Кононова. — Текст: непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. — № 1 — т. 7. — С. 49–60.
10. Андюсев, Б.Е. Мир сибирской семьи / Б.Е. Андюсев. — Текст: электронный // Алтайский альманах: [сайт]. — URL: <http://myaltai.ru/history/mir-sibiri-semya> (дата обращения 22.03.2022).
11. Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. — Текст: электронный // Мир русской деревни [сайт]. — URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/gro/myko/3.htm#14> (дата обращения: 22.03.2022).
12. Капица, Ф.С. О книге Н.Ф. Познанского / Ф.С. Капица. — Текст: электронный // Познанский Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Ст., примеч., сост. списка источников Ф.С. Капицы. — М.: Индрик, 1995. — С. 328–332. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» — URL: <https://feb-web.ru/feb/zagovory/texts/poz/poz2328-.htm> (дата обращения: 22.03.2022).

Kalinina Elena Leonidovna

Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: k5822022@mail.ru

Features of the implementation of the concept "help" in the story of V.P. Astafiev "Autumn sorrows and joys"

Abstract. This article is devoted to the study of the implementation of the concept "help" in the text of the story by V.P. Astafiev "Autumn sorrows and joys", which is included in the story "The Last Bow". The relevance of the work is due to the appeal to the cognitive description of dialect vocabulary, which complements the existing approaches to the study of dialect lexemes in V.P. Astafiev. The author uses a method of describing the concept, which includes a consistent consideration of the following elements: objectifying layer, derivational connections, internal form, figurative layer, functional and evaluative features, conceptual core, symbolic plan and scenario implementation. This technique allows you to combine the traditional methods of linguistic analysis: etymological, lexical-semantic, derivational, grammatical, stylistic with cognitive-culturological and linguoculturological methods.

The concept of "help" is verbalized with the help of a dialect word, as evidenced by the phonetic form with the final ending in -ch, which is parallel to the literary variant "help", which is Old Slavonic in origin. The dialect word "help" (in the plural "helps") denotes the most important concept of Russian peasant culture: the community's support of individual families in labor-intensive agricultural work, which was mutual. The story "Autumn Sadness and Joy" describes one of the types of help — "cabbages", that is, help in harvesting cabbage for the winter. The author of the article consistently reveals the features of the implementation of the concept "help" in a literary text. The study examines the means of verbalization of the concept, derivational connections not only in the story itself, but also in the cycle of "children's" stories of the story "The Last Bow". With the help of etymological analysis, an associative increase in meanings is traced. Figurative, functional and evaluative features of the concept are described based on the relevant fragments of the story. When considering the symbolic layer, the author turns to philosophical and cultural studies devoted to the phenomenon of Russian collectivism. Analysis of the compositional and plot basis of the story allows us to illustrate the scenario level of the concept "help".

Keywords: concept; concept objectification; concept derivation; the inner form of the concept; figurative features of the concept; functional features of the concept; evaluative features of the concept; conceptual features of the concept; symbolic features of the concept; concept script